

Э то, пожалуй, самая удивительная встреча, связанная для меня с лито Лейкина. Чудо, закончившееся внезапно, трагично и нелепо.

«Извините за такой вопрос, скажите, пожалуйста, Вы только правду скажите, извините, а мои стихи — полное г... или не очень?», — странный юноша, пришедший на наше сборище в первый раз и вызвавшийся проводить меня до метро, подбирает слова с заметным трудом. Мне отвечать ему не проще. Не хочется обижать парня, да и стихи — отнюдь не полное это самое, просто рифмы слабы, размер не выдержан, мысли зачастую банальны. Да и сам молодой человек явно, что называется, не нашего круга: к нему больше всего подходит советский штамп «простой рабочий парень». Ну и стихи соответствующие. Только одна строфа из той первой подборки запомнилась мне, наверное, на всю жизнь:

*Я полюбил свою лопату,
Я полюбил свою работу,
Я полюбил свою зарплату...
Пусть и меня полюбит кто-то.*

Вдруг — прорыв. Меньше чем через месяц, как мне помнится сейчас, невзрачные куплеты сменяются по-настоящему глубокими и, главное, ни на что не похожими стихами. Так уже не могли, да и никогда не могли мы,

«лейкинцы» со стажем, у которых за плечами были «Ленинские искры» перестроечных времен, а также филфак или как минимум философский, мы, которые, по крайней мере, со средней школы знали, что штампы и глагольные рифмы — это плохо, а Бродский и Пастернак — это хорошо. Лёша находил своё «хорошо» и «плохо» сам, между незнакомыми нам заводскими задворками и ощупью, без университетского поводыря изучаемыми книжными полками, на наших глазах сознавая и строя себя очень необычно — и, как я теперь понимаю, очень тяжело.

Это потом, когда все уже произойдёт, когда всё уже будет кончено, мы станем замечать, как навязчиво возникала в его стихах тема воды, падения, плаванья, захлёбывания. *«Мне хочется выплыть, как камню, на берег»*. *«Я лишаюсь рук перед тем, как плыть»*. *«Мы простимся на мосту подводном»*. Да и название сборника — «Наброски равновесия» — невольно приводит на память то, чего никто из нас не видел и видеть не мог: треснувшие перила моста через подмосковную речку, фигуру человека, тщетно пытающегося поймать ускользающее, уже ушедшее равновесие.

*Птица с каменных деревьев
В воздух входит вброд,
Остается, умерев,
Жить наоборот.*

Но, как известно, нет ничего проще, чем толковать — и даже придумывать — пророчества *post factum*, когда они уже сбылись. На самом деле трагическая нота в стихах Ильичева происходила отнюдь не от предчувствия гибели. Навсегда чужой в своей среде, так и не вписавшийся в чужую, Алексей во сто крат острее, чем «обычный» молодой человек двадцати с небольшим лет, переживал одиночество, покинутость, отсутствие опоры, того самого

равновесия, создать которое так и не получилось, вышли только наброски.

*Закатился камушек в дальний уголок,
А у нас, голубушка, нет ни рук, ни ног.
Ах, у нас, родимая, нет и уголка,
А про этот камушек я солгал слегка.*

Его необычность, неловкость, отсутствие техники — или какая-то своя техника, меньше всего похожая на нашу вышколенную, тиражированную «оригинальность» — только усиливает это впечатление. Это тот груз, который тащит за собой «бездельник» из своего совершенно непоэтического рабочего мира: *«Немного тяжелых камней/ И ложка ещё для чего-то»*. Бросил бы он это — был бы совсем другим, не таким непохожим. Хотя, наверное, ему было бы легче...

Легче уже не будет. Не будет и тяжелее. «Наброски равновесия» так и остались набросками. Чудо, которое нам довелось наблюдать, закончилось трагично и нелепо. Как все чудеса в этом мире.